

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Мотив безумия в поэзии футуристов
(В. Маяковский и Т. Чурилин)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 432 группы
Направления 42.03.02 – Журналистика
Института филологии и журналистики

Шигановой Анны Дмитриевны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н, доцент
должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

И.Ю. Иванюшина
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

_____

подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2021

ВВЕДЕНИЕ

Мотив безумия встречается в творческой практике и прагматике представителей разных футуристических групп. Одни возводили безумие в художественный метод, другие эпатировали публику безумным амплуа. Поддерживая миф о своём сумасшествии, футуристы ещё больше привлекали внимание публики. Своеобразие футуристического творчества производило на обывателей шокирующее воздействие. Среди критиков были и те, кто принял эстетическую позицию футуристов за психическое расстройство¹.

Хорошо изученная динамика мотива безумия в общекультурном контексте² показала, что к моменту возникновения футуризма не было единого мнения о соотношении сумасшествия и творчества. Психиатрия находилась в процессе формирования, многие явления, не укладывающиеся в принятые рамки, воспринимались как патологические³ — в том числе авангардное искусство.

В теоретическом осмыслении проблемы «футуризм и безумие» мы опирались на исследования В. Григорьева, И. Иванюшиной, Т. Мавлиной, С. Юркова, Т. Терновой, Д. Шукурова, В. Тырышкиной⁴ и др. Мотив безумия в них

---

¹Закржевский, А. К., Вавулин, Н. И. Рыцари безумия (Футуристы) / А. К. Закржевский, Н. И. Вавулин / Сост. С. М. Шаргородский. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. 174 с. ; Радин, Е. П. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов / Е. П. Радин / Сост. С. М. Шаргородский. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. 94 с. ??????

² См. : Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо / Пер. с ит. изд. и предисл. К. Тетюшиновой. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1892. 248 с. ; Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко / Пер. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.; Эпштейн, М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.; Федосеенко, Н. Г. Романтический феномен безумия / Н. Г. Федосеенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Вып. 3. Ч. 1. С. 26-37 ; Антонян, К. Г., Соколова, Н. А. Иррациональные мотивы современной культуры: безумие как творческий метод / К. Г. Антонян, Н. А. Соколова // Гуманитарный научный вестник. 2018. №1. С. 16-25.

³ Вавулин, Н. И. Безумие, его смысл и ценность // Рыцари безумия (Футуристы). Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 145.

⁴ См. : Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев // Григорьев, В. П. Будетлянин / В. П. Григорьев. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57-205; Иванюшина, И. Ю., Мавлина Т. А. «Человек играющий» в творчестве В. В. Маяковского. Эстетика праздника. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 44 с.; Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика / И. Ю. Иванюшина.

выступал как модель самопрезентации, культурная позиция, творческий метод и инструмент создания образа лирического героя.

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что, несмотря на неоднократные обращения учёных к проблеме «футуризм и безумие», остались области, не до конца изученные, в частности средства репрезентации и функции этого мотива в футуристическом тексте на основе сопоставления двух наиболее показательных и контрастных поэтов — В. Маяковского и Т. Чурилина.

Цель научной работы — выявить функции мотива безумия в футуристической поэзии В. Маяковского и Т. Чурилина.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть историко-культурное развитие мотива;
- определить место мотива безумия в творчестве футуристов;
- выявить способы реализации мотива безумия в лирике В. Маяковского и Т. Чурилина на разных уровнях текста;
- сопоставить функции мотива безумия в творчестве двух поэтов-футуристов.

Предметом исследования является мотив безумия в лирике поэтов-футуристов.

Объектом исследования служат поэтические тексты В. Маяковского и Т. Чурилина 1910-х годов.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав («Мотив безумия в ранней лирике В. Маяковского» и «Особенности реализации мотива безумия в творчестве Т. Чурилина»), заключения и списка использованных

Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 310 с. ; Иванюшина, И. Ю. Жанр самопрезентации в лирике русского футуризма / И. Ю. Иванюшина // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 203–209 ; Юрков, С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.) / С. Е. Юрков. СПб.: Летний сад, 2003. 210 с.; Тернова, Т. А. Семиотика безумия в литературе русского авангарда / Т. А. Тернова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. №21. Вып. 45. С. 134-139; Шукуров, Д. Л. Литература русского авангарда и психоанализ / Д. Шукуров // Вестник ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 94-98 ; Тырышкина, Е. В. Формирование читательской реакции в лирике модернизма (В. Маяковский, Р. Ивнев): монография / Е. В. Тырышкина. Новосибирск: Издательство ИГПУ, 2013. 165 с.

источников, включающего 65 наименований. Общий объём работы составляет 56 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. Мотив безумия в ранней лирике В. Маяковского

В первой главе выделяются функции мотива безумия в футуристической лирике В. Маяковского (1912-1917).

Опираясь в своём анализе на исследования В. Маркова⁵, Е. Эткинда⁶, И. Иванюшиной, В. Терёхиной, Т. Мавлиной, С. Юркова, Т. Терновой и др., мы выделили четыре функции мотива сумасшествия у В. Маяковского.

Во-первых, *безумие как театрализованная маска*, допускающая определённую степень социальной свободы. В дореволюционный период творчества В. Маяковский имел репутацию громогласного бунтаря, «поэтического безумца». Знаковым атрибутом такого амплуа была жёлтая кофта, которую он надевал на выступления. Эти черты поэт культивировал и в образе своего лирического героя. Облачённый в «безумие» герой является ключевой фигурой экстатического праздника из смеха и крови. Ввиду безудержной творческой энергии он обладает демиургической силой, поэтому в пространстве карнавала грань между воображением и реальностью принципиально не проводима: «Я сошью себе черные штаны // из бархата голоса моего. // Желтую кофту из трех аршин заката»⁷. Перед толпой он предстаёт в искусственно созданном образе «площадного сутенёра и карточного шулера» (С. 187), однако за таким амплуа таится ранимая душа поэта: «Хорошо, когда в желтую кофту // душа от осмотров укутана!» (С. 186).

---

⁵ Марков, В. Ф. История русского футуризма / В. Ф. Марков / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останкина. СПб.: Алетейа, 2000. 438 с.

⁶ Эткинд, Е. Г. Там, внутри / Е. Г. Эткинд // *Revue des études slaves*. 1996. Т. 68. В. 2. С. 159-183.

⁷ Маяковский, В. В. Собр. соч. В 13 т. Т.1. / В. В. Маяковский. М: Гослитиздат, 1955. С. 59. В дальнейшем все произведения В. Маяковского приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

Во-вторых, *безумие как апофеоз глубоких страданий*. Герой живёт страстями и ощущает в них острую необходимость. На фоне других переживаний любовная коллизия служит «спусковым крючком» — герой оказывается близок к сумасшествию. Чем сильнее он страдает, тем больше сходит с ума: «Дикий, // обезумлюсь, // отчаяньем иссецась» (С. 107).

Высокая степень эмоционального напряжения лирического героя передаётся при помощи приёма *остранения* — восприятие героем окружающей действительности деформируется, и он начинает видеть обыденные вещи искажённо. Автор описывает их с помощью экспрессивно-выразительной лексики и мрачных метафор: «Ямами двух могил // вырылись в лице твоём глаза» (С. 206).

Ярким экспрессивным приёмом воплощения внутренних состояний героя служит *овеществление* — мысли, эмоции и состояния принимают у В. Маяковского форму материальных предметов: «Пришла // и голову отчаянием занавесила // мысль о сумасшедших домах» (С. 186).

В духе экспрессионистской эстетики мотиву безумию сопутствует *мотив плоти* — возвышенные чувства неуравновешенного героя поэт передаёт через антиэстетические образы изуродованного тела: «Последним будет // твоё имя, // запекшееся на выдранной ядром губе» (С. 204).

Сопутствующим мотивом является и *мотив самоубийства*. Герой видит единственное спасение от любовных страданий в самоуничтожении. Это вызвано не столько болезнью, сколько темпераментом героя и его особым восприятием реальности: «А сердце рвется к выстрелу, // а горло бредит бритвою» (С. 255). Суицидальное настроение героя как правило ограничивается намерениями и не приводит к летальному исходу, поэтому оно может быть переосмыслено и в созидательном ключе: «Я хочу одной отравы — // пить и пить стихи» (С. 208).

В-третьих, *безумие как исключительность*. Наделённый знанием сакральных истин герой-безумец отправляется проповедовать среди

несчастливых и отверженных: «Сегодня в вашем кричащем тосте // я обвиняюсь своим безумием» (С. 155).

Мир, в котором оказывается герой, тоже безумен, но это безумие иного, деструктивного характера. Люди в нём жестоки и безнравственны, поэтому возникает конфликт «герой» — «толпа». Преданный всеми герой, подобно Христу, принимает на себя страдания других: «Я добреду — // усталый, // в последнем бреду // брошу вашу слезу // темному богу гроз // у истока звериных вер» (С. 171).

Одинокое положение героя подчёркивает его духовно-нравственное превосходство над толпой обывателей, однако в этом и заключается неразрешимость конфликта: герой в своей исключительности бессилен изменить сознание толпы. Это же неоромантический конфликт может преподноситься и в ироническом ключе — отчаянный герой уже не проповедует истину, а высмеивает обывательскую пошлость. «Ничего не понимают» обыватели, а репутация безумца сложилась почему-то у лирического героя.

Природа социальной нормы, по В. Маяковскому, имеет неустойчивый характер. В любой момент игра может перевернуться, и на место разума встанет безумие: «поташим мордами умных психиатров // и бросим за решетки сумасшедших домов!» (С. 81).

Противостояние между «нормальной» толпой и «безумным» лирическим героем определяет и образную систему В. Маяковского. Образы обывателей выстраиваются из внешних признаков — пошлой телесности («грязные, в калошах и без калош» (С. 56), любящие «баб да блюда» (С. 75)). Образ лирического героя, напротив, формируется из элементов мира внутреннего — «личное» становится обнаженным и ранимым: «А себя, как я, вывернуть не можете, // чтобы были одни сплошные губы!» (С. 175).

В-четвёртых, *безумный хронотоп как проекция внутреннего мира персонажа*. Переживания героя не уместаются в рамках «личного» и переходят

в окружающее пространство: «Слышу: // тихо, // как больной с кровати, // прыгнул нерв» (С. 177). Зловещий и безумный город олицетворяет психологическое состояние героя. Грань между «внутренним» и «внешним» принципиально размыта.

В. Маяковский рисует городской хронотоп в экспрессионистской манере — как зловещее, отталкивающее и источающее безумие «адище». Ощущение апокалиптичности передаётся посредством экспрессивной лексики, поэтому повседневные процессы описываются как нечто девиантное. С помощью сниженных эпитетов и метафор создаётся ощущение повсеместного насилия и нескончаемой боли: «Ветер колючий // трубе // вырывает // дымчатой шерсти клок» (С. 39).

Чувства дискомфорта и отвращения внушаются у читателю посредством телесности, которой наделен хронотоп. Время суток и явления природы антропоморфны, поэтому способны «пощупать» героя «промокшими пальцами» (С. 48). Город превращается в единый оживший организм, обладающий сознанием, тогда как люди, его населяющие, обезличены и лишены души.

Автор подчёркивает абсурдность и безвыходность ситуации — у героя благие намерения, но он не может найти себе место в безумном обезбоженном мире: «иду // один рыдать, // что перекрестком // распяты // городовые» (С. 45).

ВЫВОД

Глава II. Особенности реализации мотива безумия в творчестве

Т. Чурилина

Во второй главе определяется специфика художественной репрезентации безумия в поэтических текстах Т. Чурилина. Обострения душевного недуга сопутствовали поэту всю жизнь, однако мотив безумия в его творчестве не был исключительно следствием диагноза. В отличие от произведений обычных больных, способных создать яркие, но бессвязные образы, в поэзии Т.

Чурилина, по замечанию Н. Гумилева, «есть строгая логика безумия и подлинно бредовые образы»⁸.

Анализ лирики Т. Чурилина с опорой на исследования Д. Безносова⁹, А. Мирзаева¹⁰, В. Маркова, О. Юрьева¹¹, В. Дорожкиной¹², Н. Яковлевой¹³, С. Шаргородского¹⁴, Т. Скрудзь¹⁵ показал, что мотив безумия в его произведениях является системообразующим. Он пронизывает все уровни текста.

Прежде всего, мотив безумия у Т. Чурилина *формирует образ лирического героя*. В большинстве случаев субъект речи в стихотворениях поэта выступает в роли ненадёжного рассказчика. Он пребывает в пограничном состоянии сознания — между жизнью и смертью, между разумом и безумием, поэтому в нарративе от лица героя реальное и фантастичное неразличимы. Происходит остранение пространства и вещей.

---

⁸ Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 193.

⁹ Безносов, Д. Д. Главная книга Тихона Чурилина («Весна после смерти») / Д. Д. Безносов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №2. С. 132-135 ; Безносов, Д. Д. Неизвестная пьеса Тихона Чурилина (По материалам РГАЛИ) / Д. Д. Безносов // Вестник ТГПУ. 2012. №3. С. 208-212.

¹⁰ Мирзаев, А. М. Тихон Чурилин и Владимир Маяковский (к вопросу о влияниях, отталкиваниях и противостояниях) / А. М. Мирзаев // ФИЛОЛОГОС. 2015. Вып. 2. С. 83-88.

¹¹ Юрьев, О. А. Излечение от гениальности: Тихон Чурилин — лебедь и Лебядкин. Начало / О. А. Юрьев // Лехаим. 2013. №10. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/258/yuriev.htm> (дата обращения: 11.03.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹² Дорожкина, В. Т. Поэт из тамбовской Лебедяни / В. Т. Дорожкина // Дорожкина, В. Т. Тамбовский край талантами богат... : краеведческие статьи и очерки. В 2 т. Т. 1 / В. Т. Дорожкина. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2016. 368 с.

¹³ Чурилин, Т. В. Встречи на моей дороге / Т. В. Чурилин / Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 10. С. 408-494.

¹⁴ Шаргородский, С. М. Безумство храбрых. Русский футуризм и дискурс вырождения: вокруг «Футуризма и безумия» Е. Радина / С. М. Шаргородский // Авангард и остальное. Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. Под ред. Х. Барана, Т. В. Горячевой. М.: Три квадрата, 2013. С. 283-312.

¹⁵ Скрудзь, Т. П. «Строгая логика безумия»: к 60-летию со дня смерти Тихона Чурилина / Т. П. Скрудзь // Петровский мост. 2016. № 2. С. 166-174.

Жуткие видения преследуют героя зачастую в ночное время суток: «Нет масла в лампе — тушить огонь. // Сейчас подхватит нас чёрный конь...»¹⁶. Иллюзии не являются герою сами по себе — их провоцирует тот или иной внешний фактор, воздействующий на хрупкую болезненную психику героя как раздражитель — например, угарный газ: «Открылись оба глаза — // И лар // Вновь немой самовар, // А от огарка в комнате — яркий пожар» (С. 68).

Часто способом передачи нестабильного состояния больного героя является эмоционально-оценочная лексика, например, в его самохарактеристиках. Он не может дать себе объективную оценку и одновременно использует полярные номинации: «Я счастье народа. // Я горе народа. // Я — гений убитого рода, // Убитый, убитый!» (С. 63).

Также Т. Чурилин использует приём имитации безумной речи при помощи синтаксических и фонетических средств. Поэт нарушает или затрудняет синтаксис, пропускает необходимые компоненты предложения, использует лексические повторы, алогизм, эмоциональные междометия, риторические восклицания, имитирует речевые дефекты: «— Ды беги, кликни, что ежали... // — Жарежали, жарезали, жарезали!!! // Игумнова!.. // Полоумнова!» (С. 69).

Патологичность состояния может проявляться в спутанности мыслей и сумбурности ассоциаций. Чем больше прогрессирует заболевание лирического героя, тем сильнее деформируется его речь: «Разболелась голова, раскололась голова // — Два меня. // Плачу, стенья. // А-ааа, а-ааа, аа» (С. 72).

Автор не передаёт суть безумия, не описывает его симптомы. С помощью художественных средств он позволяет читателю *почувствовать*, как ощущает себя больной человек, находящийся «на грани».

Сумасшествие у Т. Чурилина является и **фактором сюжета**. Пограничность становится сюжетным элементом не только в психическом, но и

---

¹⁶ Чурилин, Т. В. Весна после смерти. М.: Альциона, 1915. С. 45. В дальнейшем все произведения Т. Чурилина приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

в физическом плане: герой может находиться между миром живых и миром мёртвых. Это физический план? Непонятно. Смерть и воскресение, по Т. Чурилину, носят циклический характер. Действительно ли герой проходит через эти стадии или это особенность восприятия им своего болезненного состояния — нельзя сказать точно.

Другой вариацией безумного сюжета является самоубийство как способ избавления от болезненных страданий. Как и в случае с лирическим героем В. Маяковского, герой Т. Чурилина склонен к глубоким переживаниям, его мысль о суициде не импульсивна — она культивируется в течение долгого времени: «Да — я думаю — в день радости Прекраснейший, // — Хорошо взять в руки этот старый пистолет. // И во тьме, на дне, на дне ужаснейшем, // Радостно смертельно побледнеть» (С. 89).

Безумие определяет и *характер хронотона*. Окружающее пространство у Т. Чурилина дисгармонично и враждебно по отношению к лирическому герою. Мир наполняют инфернальные силы, поэтому автор описывает его при помощи экспрессивно-выразительной лексики и мрачных тропов: в пространстве героя мётлы дворников шелестят «как шлейфы ведьм» (С. 74), а переулочек гулок «словно склеп, где гроб» (С. 84).

Дисгармония пространства подчёркивается колоративами, имеющими прямое и символическое значение одновременно. Читателю предоставляется возможность интерпретировать сюжет как в реалистическом, так и в метафорическом ключе: «Это красная, красная, красная мышь — // В красном доме какая тишь // Умри ж!»¹⁷.

Показательным воплощением патологического пространства у Т. Чурилина является сумасшедший дом, в котором болезнь тесно переплетена со смертью. Это абстрагированный от реальности локус, который населяют жестокие, враждебные по отношению к лирическому герою персонажи.

---

¹⁷ Чурилин, Т. В. Стихотворения // Футурум АРТ. 2002. № 4. С. 118.

Безумие в данном контексте — это некое инфернальное начало, источник зла: «Тихо струится яд, // В жилах их — кровь течет вспять» (С. 69).

Ключевой образ этого хронотопа — макабрическая пляска сумасшедших. Даже после смерти их танец не прекращается — всё сливается в единый безумный поток: «Да и шум, да и пляски печальные там. // Но покой по теням там, по хвое цветам, // Какой!» (С. 30).

Другой сюжет, связанный в произведениях Т. Чурилина с сумасшедшим домом, — насильственная смерть. Лирический герой оказывается в беззащитном положении и ничего не может сделать, хотя заранее знает, что его «обидят»: «Артюхин лежит — глаза всё видят. // Ночью меня обидят. // Подойдёт. // Тихо. // Ножик в живот воткнёт. // Спи, Тихон» (С. 70). Герой не является носителем зла, ему нет места в этом патологическом пространстве, поэтому он умирает глупой, случайной смертью.

Общезутиристическая, неоромантическая модель безумного мира и обезумевшего от страданий героя не чужда Т. Чурилину, однако у него мотив безумия имеет более конкретный, более личный и более трагический характер. Разнообразие и выразительность средств репрезентации мотива свидетельствует о том, что не безумие, а талант водили рукой художника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мотив безумия в футуристическом творчестве выполнял важные художественные задачи. Частично они совпадали у разных представителей авангардного течения, частично различались.

Например, мотив безумия в образе лирического героя проявлялся у В. Маяковского и Т. Чурилина по-разному.

Для первого автора безумие было источником образной системы и средством экспрессии; душевная болезнь не становилась элементом сюжета или основной темой. Лирический герой В. Маяковского изначально психически здоров, а его сумасшествие является либо эпатажной маской, либо следствием естественного для него переизбытка страстей. Для передачи нестабильного

состояния поэт использовал экспрессивные тропы, различные способы остранения окружающего пространства в сознании героя, приёмы олицетворения неживых предметов и овеществления состояний.

У второго автора безумие проявляется именно на уровне темы. Т. Чурилин страдал от психического заболевания, но его тексты не были безумны в содержательном плане. Он выразил в поэзии само ощущение пограничного состояния. Лирический герой Т. Чурилина болен, поэтому читателю предлагается посмотреть на привычные вещи глазами безумца. Помимо лексических и синтаксических средств выразительности, поэт передаёт состояние безумия с помощью приёма имитации безумной речи.

У обоих поэтов мотив безумия соседствовал с мотивом самоубийства как крайней степени отчаяния героя. В обоих случаях безумие не являлось единственным объяснением суицидального поведения — сказывались как внутренняя организация героев, так и воздействующие на них обстоятельства. У героя В. Маяковского суицидальные наклонности проявлялись в моменты особого обнажения чувств, тогда как герой Т. Чурилина в принципе воспринимал жизнь как мучение, поэтому акт самоубийства был осознанной целью, способной избавить от страданий. Под физической гибелью и обманчивым воскресением героя Т. Чурилин подразумевал гибель социальную, тогда как у В. Маяковского гибель скорее метафорическая, эмоциональная.

Роль безумного хронотопа и средства его создания у авторов в некоторых аспектах сходны. Пространство и время представляются поэтам источником патологического зла, они населены враждебными персонажами. Хронотоп антропоморфен, способен непосредственно воздействовать на лирического героя. Атрибуты патологического локуса передаются с помощью экспрессивно-выразительной лексики и мрачных тропов. При этом поэтика В. Маяковского более экспрессионистична, нежели поэтика Т. Чурилина.

Наиболее яркими и частотным локусами безумного хронотопа у В. Маяковского является город, у Т. Чурилина — сумасшедший дом.

Масштабы изображения пространства у В. Маяковского и Т. Чурилина различны. У первого поэта «страшный мир» не ограничивается одним городом — безумие охватывает весь универсум. Пространство способно деформироваться и расширяться. Герой и его страдания соразмерны Вселенной.

У второго автора пространство сугубо ограничено и абстрагировано от бытовой реальности: сумасшедший дом, комната, гроб, могила у Т. Чурилина лишены какой бы то ни было конкретики. Герой не способен противостоять повсеместному безумию, поэтому изображается как маленький, сжимающийся в комок человек.

Лирические герои обоих авторов не могут найти себе места в абсурдном безумном мире, но если герой В. Маяковского — это «жилистая громадина», стремящаяся заменить собой Христа, то герой Т. Чурилина — «живой мертвец», беззащитный наблюдатель.

Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, мотив безумия сам диктует некоторые способы и средства его реализации. Они совпадают у столь разных поэтов, как В. Маяковский и Т. Чурилин. С другой стороны, особый интерес представляют индивидуально-авторские интерпретации мотива и способы решения художественных задач.

Выявив в текстах поэтов-футуристов функции мотива безумия, мы убедились, что он не был лишь способом эпатировать публику или следствием душевной болезни. Этот мотив позволял выразить переживания и внутреннее состояние лирического героя, а также показать его место в социуме.